

УДК 821.411.21

DOI 10.52928/2070-1608-2024-70-2-28-31

**ЕДИНСТВО СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРАБСКОЙ ОБРАМЛЕННОЙ ПОВЕСТИ
«КАЛИЛА И ДИМНА», «СИНДБАД-НАМЕ»****канд. филол. наук А.А. СМУЛЬКЕВИЧ****(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)**

В настоящей статье изучаются принципы организации обрамленного повествования в единое тематическое и идейное произведение на примере средневековых арабских версий книг индийского происхождения. Данное исследование основывается на важности изучения «Калилы и Димны» и «Синдбад-наме» в рамках описания формирования традиции обрамленного сборника повествований, анализа рамочной конструкции. Обе книги приобщают к близкому по тематике, порядку расположения рассказов и структуре содержания своих индийских источников к национальной специфике и авторским задачам. Для «Калилы и Димны» характерно отсутствие политеистических верований, наличие светского дидактизма, юмористическое функционирование персонажей-животных. Создатель «Синдбад-наме» закрепляет за собой авторство книги, стремится таким образом увековечить не только источник мудрости, но и свое имя. Отличительной особенностью арабских книг становится формирование четкого авторского обрамления, включающего предисловие («Калила и Димна», «Синдбад-наме») и послесловие («Синдбад-наме»). Эти структурные элементы служат эффективным способом прямого указания читателю на идейное содержание произведения. За счет упрощения переходов от повествования к повествованию, уменьшения многоуровневости рассказов посредством выделения рассказов третьего и четвертого уровня в самостоятельные главы и их подчинения идее общего обрамления повествование становится более плавным и последовательным. Жанровое единство достигается с помощью притчи.

Ключевые слова: средневековое обрамленное повествование, притча, светский дидактизм, авторское обрамление, национальная специфика.

Введение. Средневековая западноевропейская литература насыщена многочисленными странствующими сюжетами, заимствованиями, особенно заметными в поучительных «сводах» малых повествований. Неудивительно, что такое «литературное общение» распространялось не только на европейской территории, но включало и восточные страны. Так, широкую популярность в Европе Средних веков приобретают обрамленные повествования из Индии: «Панчатантра», ее арабская переработка «Калила и Димна», «Книга Синдбада». Средневековому читателю из Европы содержание «Панчатантры» более известно в ее арабском варианте, появившемся в VIII веке из-под пера переводчика-перса Ибн аль-Мукаффы под названием «Калила и Димна». Именно с этой книги и начинается путешествие индийской жемчужины мудрости в европейской и славянской литературах, в процессе которого она видоизменяется и приспосабливается к национальной культурной среде. В качестве примера жанра обрамленного сборника европейскому читателю более известны арабские версии книг «Тысяча и одна ночь» [1, с. 11]. Одной из частей этих «ночей» является сюжет обрамления книги «Синдбад-наме» (известной как «Книга Синдбада» или «Семь римских мудрецов»), также имеющей индийское происхождение [2, с. 39].

Актуальность данной статьи обусловлена значимостью вышеуказанных книг для формирования традиции обрамленного сборника, а также для анализа рамочной конструкции как основы внутренней и внешней целостности сборников. Цель исследования – изучить способы создания единства арабских обрамленных повествований. В качестве объекта исследования выступают книги «Калила и Димна» Ибн аль-Мукаффы и «Синдбад-наме» Мухаммада аз-Захири ас-Самарканди. Предметом исследования являются тематические, идейные, жанровые особенности указанных повествовательных сборников.

Основная часть. В предисловии арабского варианта «Панчатантры» и введении от переписчика рукописи помещена история создания книги «Калила и Димна» индийским мудрецом Байдабой по приказу царя Дабшалима. Царь поставил целью книги увековечить свое имя и заключить, кроме явного смысла, тайный, посвятив её теме правления царством и народом. Байдаба после долгого раздумья разрешил этот вопрос с помощью двойственного содержания историй: мудрость скрыта под покровом внешне простых и смешных рассказов о животных, которые поступают и говорят, как люди. По виду сочинение казалось «собранием забавных рассказов для увеселения знатных особ и простонародья, а по сути своей было бы пищей для избранных» [3, с. 41]. Такой принцип напоминает «Панчатантру» с той разницей, что автор данного предисловия прямо призывает читателей книги «хорошенько прочесть все, что в ней содержится, а потом поразмыслить над тайнами, в ней скрытыми, и убедиться в её пользе и преимуществе над другими сочинениями» [3, с. 24].

В сборнике также присутствует стремление заинтересовать читателя: с помощью напряженного ожидания, как разрешится участь Байдабы, и успешного преобразования Дабшалима в справедливого правителя после разговора с философом, который по заказу царя и написал книгу мудрости и просил хранить её от персов, а также с помощью нарочитого создания легендарного характера истории «Калилы и Димны». Отдельная глава посвящена истории о путешествиях придворного лекаря Бурзое, которому с большим трудом удалось переписать охраняемую индийцами «Панчатантру» и дать возможность своему и другим народам черпать из неё мудрость, в ней утверждается популярность и необходимость перевода «Панчатантры» на другие языки. Б.Я. Шидфар отмечает,

что эта легенда «как бы подчеркивает общечеловеческое значение "Калилы и Димны": заключенная в ней мудрость <...> поучительна и необходима не только индийцам или персам, но всем народам и всем людям, желающим приобщиться к ней...» [3, с. 4]. В подтверждение значения данной книги следует отметить, что перевод «Калилы и Димны» на еврейский в XIII веке стал основой латинской версии под названием «Наставление человеческой жизни» Иоанна Капуанского, которая была переведена на немецкий, итальянский, старофранцузский языки, а перевод книги с арабского на греческий в XI веке лег в основу славянского перевода в XIII веке и проник в Московскую Русь под названием «Стефанит и Ихнилат» [4, с. 262].

Несомненным достоинством книги является предисловие переводчика, намечающее структуру и содержание книги. Побуждая читателя вникнуть в забавные повествования о животных и извлечь из них мудрые уроки жизни, Абдаллах Ибн аль-Мукаффа приводит примеры-притчи для подтверждения своих слов. Уже в предисловии Ибн аль-Мукаффа использует технику рассказа-в-рассказе на двух уровнях по образцу вставных притч переводимого источника. Он также прямо посвящает читателя в предназначение книги: привлечь к чтению знатных людей занимательными притчами о бессловесных тварях, изъясняющихся, «словно люди, красноречивыми словами»; увековечить сочинение; передать мудрость, постичь которую суждено лишь мудрецу и философу [3, с. 64].

Арабский вариант многое принимает из оригинала, но многое и изменяет. Общей целью книги остается отражение отношений человека и общества, стремление показать путь «формирования личности разумного человека» [3, с. 5]. Основными темами остаются принципы управления, характеристика и описание поведения настоящего правителя, его справедливости к подданным, отличие человека от животного. Автор также рисует образец разумного человека, деятельного и знающего, достойного счастья и уважения. Очевиден намек на национальную специфику персидской литературы. Б.Я. Шидфар указывает на отличия между индийской и арабской книгами, свидетельствующие о литературной самостоятельности каждой из них. Эти отличия коренятся в разном мировоззрении: индийский фольклор и политеистические верования исчезают, как и орнаментальная фантастика индийской мифологии, и «антибрахманская тенденция» [3, с. 18]. Монотеизм и современность, а также юмористические образы животных и тенденция к этико-нравственному руководству в светском духе характерны для «Калилы и Димны».

В своей основе индийская структура была сохранена, однако со значительными добавлениями при персидской переработке: история Бурзое и история появления книги на персидском языке, предисловие Ибн аль-Мукаффы, дополнительные главы. Многие вставные рассказы персидская версия опускает. Так, например, в главе о дружбе голубя, крысы, вороны, черепахи и газели автор «Калилы и Димны» не вводит в историю спасения голубей из-под сети многочисленные мудрые изречения и притчу о двуглавой птице, как в «Панчатантре», которые и подталкивают голубей действовать сообща. В персидской книге голубиному царю достаточно лишь призвать своих друзей для спасения всей стаи.

Как и в «Панчатантре», цель всей книги – описать всё, что необходимо в земной жизни, – обширна и объясняет выбор тем, но не их порядок. Вначале четко прослеживается порядок книг «Панчатантры» с введением истории суда над Димной, входящих в состав четырнадцати книг Байдабы. За счет изменения обрамляющей истории усиливается тематическая фрагментарность и гибкость: царь Дабшалим просит философа Байдабу рассказать ему притчу на определенную тематику без мотивировки своего выбора. Такой прием помогает автору вводить бесконечное число вставных притч без изменения сюжета рамы, что и подтверждают другие рукописи «Калилы и Димны» [5], в которых некоторые рассказы отсутствуют или их расположение не совпадает. Выбор темы последующего рассказа Дабшалимом не имеет логической последовательности. Все главы связаны формально: в каждой главе царь подытоживает предыдущий рассказ мудреца словами «Я понял твою притчу (о том, что...». Переход к следующей притче осуществляется словами «А теперь поведай мне...». Начало каждой главы содержит краткий пересказ Дабшалимом последующего повествования, напоминающий стихотворный обзор каждой вставной притчи в «Панчатантре». Окончание притчи не всегда содержит мораль. Многоуровневость вставных рассказов, свойственная «Панчатантре», уменьшается в самостоятельно добавленных персидских главах. Переходы между уровнями стираются, превращая повествование в плавный рассказ. Более частое использование приема сюжетного и тематического дублирования превращает структурную многоуровневость, примененную в «Панчатантре» в качестве взаимосвязи структуры и содержания, в способ соединения рассказов.

Первые четыре главы о потере друзей, наказании за клевету друга, о настоящей дружбе и о врагах под личиной друга связаны между собой на основе противопоставления и дополнения/продолжения истории. Например, главы о благочестивце и мангусте и об Иладе, Шадираме и Ирахт связаны темой о поспешном поступке, который не должен совершать ни монах, ни тем более повелитель. Рассказ о льве и благочестивом шакале сюжетно перекликается с главой о льве, быке и шакале (только конец изменен на счастливый), а тематически – с главами о необдуманных поступках. Львица, мать царя, предостерегает его от поспешных действий, желая оградить от ошибок. Такие действия способствуют ассоциированию её образа с положительным образом советника Илада. Отсутствие рассказов о лживости женщин также доказывает положительное к ним отношение автора. В притче, использующей сюжет пятой книги «Панчатантры», автор «Калилы и Димны» сокращает рассказ до истории об опрометчивом убийстве мангуста, защитившего ребенка; из вставных историй третьего уровня осталась только одна – о беспочвенных мечтаниях и дележе шкуры неубитого медведя. В оригинале она использовалась для обличения алчности брахмана, в «Калиле и Димне» – для предупреждения от преждевременных надежд, вставная история дублируется по примеру обрамляющей. Это делается, чтобы облегчить понимание сути выражаемой вставными притчами идеи. Уменьшение количества вставных историй фокусирует внимание читателя

на обрамляющей притче, которая Ибн аль-Мукаффей ценится больше, чем частные замечания о жизни. Поскольку вставные рассказы, в отличие от оригинальных, лишь дублируют ситуацию обрамляющей истории, проецируют её исход и направлены на усиление эффекта поучения (история Ираха и убитой голубки, гостя, желавшего изучить арамейский язык, и вороны, желавшей научиться походке фазана).

Последующие добавленные Байдабой истории доказывают отсутствием в них рассказов третьего уровня стремление книги к концентрированности в одной главе на одном действии. Только в рассказе о благочестивом человеке и его госте содержится притча персонажа из рассказа Байдабы. Имеется один пример рассказа четвертого уровня в главе о мышшином царе и его вазирах, однако, он дублирует идею обрамляющей истории о желании мышшей победить кошек и идею притчи о желании царя заделать дыру в горе. Они отличаются от тех глав, которые следуют сюжету пяти книг «Панчатантры». Новые главы характеризуются самостоятельной организацией, хотя и вписаны в общую раму, согласно которой царь Дабшалим просит рассказать ему притчу на определенную тему. Каждая глава открывается словами Дабшалима и когда сжатой, а когда и развернутой моралью/поучением Байдабы, но редко глава возвращается к обрамляющей истории, тем самым превращая все повествование в постепенное, плавное. Интересно также превращение вставной притчи третьего уровня «Панчатантры», используемой шакалом для убеждения царя в подлости и коварности его друга быка, в самостоятельную историю второго уровня «Калилы и Димны», ориентированную на обличение неблагодарности спасителю и доказательство того, что «благоденствия следует оказывать надежным и верным людям» [3, с. 260]. В «Панчатантре» она необходима для того, чтобы склонить царя к мнению шакала, а в персидской версии выступает средством суждения о приближении к себе разумным человеком добрых или злых людей. Таким образом, связи между главами осуществляются не только с помощью общей рамы и её идейной направленности, но также и тематически, на сюжетном и образном уровне.

Жанровый вопрос решается в «Калиле и Димне» посредством использования притчи, являющейся «основным художественным компонентом повествования» [4, с. 261]. Все вставные повествования отсылаются от основной притчи о дружбе быка и льва и сведены к дидактической цели. Использование животных, как указывал аль-Мукаффа, обусловлено не жанром басни, но лишь стремлением развлечь с дидактической целью.

Как и в случае с «Калилой и Димной», отличительной чертой книги «Синдбад-наме» пера Мухаммада аз-Захири ас-Самарканди является наличие сложного предисловия. В нем автор воздает хвалу Аллаху и похвалу своему непосредственному правителю за его мудрость и справедливость; также имеется предисловие от автора, в котором он поясняет причины создания книги (судьба повелела ему убраться редкие мысли украшениями, которые не разорвет круговорот времени), а также раздел, описывающий естественное стремление человека к сохранению мудрости и свои цели написания книги: чтобы увековечить память, возвысить достоинство, возвеличить сан и превознести величие [6, с. 7]. С помощью такого расширенного предисловия создатель «Синдбад-наме» закрепляет за собой авторство книги, предупреждает читателя о том, что ему нужно искать в книге. Примечательно и логичное окончание книги, некое послесловие, написанное автором, в котором он выражает надежду на то, что труд его останется жить в веках.

Сюжет обрамления книги «Синдбад-наме» сначала затрагивает тему воспитания наследника как идеального правителя, благородного и справедливого. Снова мы видим историю об обучении принца. Он за десять лет ничему не смог обучиться, но позже одолел все тонкости наук за шесть месяцев под руководством мудреца Синдбада. Мотивом, изменяющим ход плавного рассказа и вполне ожидаемого перехода к дидактическому содержанию, является новость о том, что юноша не может в течение семи последующих дней произнести ни слова, не подвергнув себя опасности. Наложница его отца с целью разговорить юношу предлагает ему отравить шаха и сделаться повелителем. Шахаде отказывается, и наложница клеветает на него, пытаясь уничтожить. В результате такого сюжетного поворота обрамление сводится к популярной средневековой теме о женском коварстве и традиционной для индийских сборников темы необдуманного поступка. Желая оправдать себя, наложница клеветает на принца и в течение семи дней добивается его казни. Семь мудрецов, рассказывая императору каждый день новую историю о последствии необдуманного поступка и коварстве женщин, убеждают его не казнить принца. По истечении семи дней принц оправдывает себя сам и советует, как поступить с наложницей и как благодарить мудрецов. И снова сюжет меняет идейную направленность, возвращая читателя к теме идеального правителя: шах восхищается красноречием и мудростью своего сына.

В «Синдбад-наме» интерес к повествованию основывается не на предвосхищении его содержания или утверждении его значимости, но на сюжетной интриге и переживаниях за участь принца. Повествование мотивируется отсрочкой казни принца. Обрамление здесь приобретает черты чисто художественного повествования, а не только лишь формального приема.

Формальная рама и переход к другим рассказам аналогичны используемым в «Панчатантре»: мудрецы и наложница сравнивают поступки царя с историями людей, он просит рассказать о них подробнее. Мудрецы приводят рассказы о коварстве женщин, наложница оправдывается. Некоторые рассказы сюжетно сходны с притчами «Панчатантры». Обусловленные сюжетом обрамления, большинство рассказов тематически и сюжетно ограничиваются темами о доверии, коварстве и уловках женщин, о необдуманных поступках. Соответственно несколько фиксированной представлена и структура книги: некий «спор повествованиями». Энциклопедичность и гибкость также свойственны этому обрамлению: в конце сборника принц рассказывает притчи на разнообразные темы. Многоуровневая структура и фрагментарность отсутствуют, что сближает «Синдбад-наме» со сборниками XIV века.

Идейной отличительной чертой книги является отход от шаблонных описаний образа правителя: политический деятель изображен как личность в её сложности и характеризуется непостоянством и противоречивостью. Исследователи отмечают, что «центральными проблемами становятся не голые схемы дурного и хорошего,

а вопросы взаимоотношения мужчины и женщины, роли разума и методов управления государством» [4, с. 145]. Претерпевает изменения и отношение к женщине: среди сладострастных изменщиц попадают и те, кто может отвергнуть домогательства даже высокопоставленных поклонников (рассказ везира о государе-женолюбе – не обдуманый поступок), и честные женщины (например, старушка в рассказе о мальчике, старушке и ворах славится честностью и правдивостью (рассказывает шахзаде, доказывает свое красноречие)). Как и в «Калиле и Димне», автор «Синдбад-наме» ограничивается жанром притчи, что облегчает его задачи.

Заключение. Арабский сборник характеризуется тесной взаимосвязью содержания, тематического дублирования и структуры для выражения авторского замысла. Последний проявляется более четко в структурно выделяемом авторском предисловии («Калила и Димна», «Синдбад-наме») и послесловии («Синдбад-наме»). Строгое в индийских источниках дублирование дидактической цели автора и главного героя обрамления ослабляется в «Калиле и Димне» и «Синдбад-наме», поскольку в арабских книгах авторы заявляют о большем количестве целей: не только создать сокровищницу мудрости и сделать свой труд нетленным, но и развлечь читателя, зафиксировать свое авторство. Вопрос жанрового единства решается на основе формальной унификации повествований с помощью притчи.

Стоит отметить верность восточного сборника государственной тематике: даже при явном отклонении притч на тему женского коварства в «Синдбад-наме» автор в итоге приводит читателя к обсуждению образа идеального правителя и его человеческих достоинств. Дидактизм удается сохранить не только с помощью мотива обучения или перевоспитания героев обрамления, использования многочисленных назидательных изречений, но и с помощью прямых высказываний автора в его предисловии.

Интерес читателя к содержанию источников мудрости поддерживается сюжетом обрамления: влияние философа-создателя книги на главного героя «рамы» («Калила и Димна») и откладывание казни («Синдбад-наме»), – а также авторским обрамлением с легендарной историей путешествия книги («Калила и Димна»). Постепенно создатели книг стараются вынести скрытые смыслы сборников в авторское обрамление, облегчить читателю процесс обучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ryder A. W. The Panchatantra. – New York: Macy, 1972. – 470 p.
2. The Book of Sindibad; Or, the Story of the King, His Son, the Damsel, and the Seven Vazirs / With Introduction, Notes and Appendix by W. A. Clouston. – Glasgow. – 385 p.
3. Аль-Мукаффа Ибн. Калила и Димна / Пер. с араб. Б. Шидфар. – М.: Худ. лит-ра, 1986. – 303 с.
4. Литература Востока в Средние века. Ч. II. / Под ред. акад. Н.И. Конрада и др. – М.: Издат-во Моск. ун-та, 1970. – 464 с.
5. Kalilah and Dimnah, Or the Fables of Bidpai / Transl. into Engl. by W. Knutchbull. – Oxford, 1819. – 366 p.
6. Мухаммад аз-Захири ас-Самарканди. Синдбад-наме / Пер. М.Н. Османова. Пер. стихов А.В. Старостина. – М.: Изд-во Вост. лит-ры, 1960. – 312 с.

Поступила 08.12.2023

UNITY OF MIDDLE-AGE ARAB FRAME STORIES "KALILAH AND DIMNAH", "THE BOOK OF SINDIBAD"

A. SMULKEVICH
(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

The present article studies frame story organization principles into a thematic and idea unity on the example of middle-age Arabic versions of Ancient Indian books. Such an examination is based on the importance of study of "Kalilah and Dimnah" and "The Book of Sindibad" for the description of how frame collections were initially formed and for the analysis of frame construction. Both of the books adapt thematical contents, structure and tale order, which are very close to their Indian original sources, to national peculiarities and the goals provided by the authors. "Kalilah and Dimnah" is characterized by the absence of polytheistic beliefs, presence of secular didacticism and humoristic functioning of animal characters. The creator of "The Book of Sindibad" asserts his authorship, thus aiming at perpetuating not only the wisdom source, but also his own name. A distinctive feature of the Arab books is the formation of a clearly distinguished author's frame that includes the foreword (as in "Kalilah and Dimnah" and "The Book of Sindibad") and the afterword (as in "The Book of Sindibad"). These structural elements serve for the purpose of quite an effective means to directly orient the reader to the book's message. Narration becomes more consecutive and connected while simplifying the mechanism to change from one tale to another, while simplifying the multilayer tale structure with the help of making the third- or forth-layer tales into separate chapters and making them reflect the general frame message. Genre unity is acquired through applying a single parable basis to all of the stories.

Keywords: middle-age frame tale, a parable, secular didacticism, author's framing, national peculiarities.